

рых, что Бирон, Остерман и другие, добиваясь назначения Кантемира, на самом деле не только не исходили из соображений его пригодности к предназначенной ему службе, но даже не намеревались воспользоваться теми выдающимися способностями, какими он действительно обладал и которые они расхваливали как перед императрицей, так и перед английским резидентом.

Бирон, Остерман и другие в этих своих действиях руководствовались не мотивами государственной пользы, а личными интересами, продиктованными их недоброжелательством к молодому сатирику. Со всей решительностью необходимо подчеркнуть политическую подоплеку этого недоброжелательства. Несомненно, что основной тактической целью «немецкой партии», пришедшей к власти вместе с Анной Иоанновной, было раздробить силы той политической группы, которая содействовала уничтожению олигархической власти Верховного тайного совета и имела основание претендовать на руководящую роль. Для достижения этой цели Татищев и Кантемир, наиболее серьезные политические противники, были удалены от двора под благовидными предлогами, Феофан Прокопович — задобрен и приручен, тем более, что его интересы в определенной плоскости — в борьбе против церковных соперников — совпали с интересами «немецкой партии». А. М. Черкасский и И. Ю. Трубецкой — наиболее бесхарактерные, нерешительные в политическом отношении личности — были возвышены и превращены в послушные орудия Бирона и Остермана. Не без умысла, очевидно, был оставлен на время при дворе и активнейший деятель Верховного тайного совета — Дмитрий Голицын, видимо, предназначенный служить политическим противовесом группе Татищева—Феофана—Кантемира для того, чтобы не позволить лагерю русского дворянства консолидировать свои силы против немецкой группировки.⁴

Таков в свете приведенных фактов подлинный смысл назначения Кантемира на пост резидента в Англию.

Переписка Рондо с Гаррингтоном позволяет уточнить, когда был решен вопрос об этом назначении. 25 октября (5 ноября) 1731 года Рондо писал, что императрица еще не назначила своего уполномоченного, что подходящее лицо подыскивается, а 4/15 ноября 1731 года он сообщал Гаррингтону, со слов Остермана, о намерении императрицы назначить сына бывшего молдавского господаря.⁵ Стало быть, вопрос решился между 25 октября и 4 ноября 1731 года. Дата официального назначения установлена биографами: 26 декабря 1731 года,⁶ а 1 января 1732 года Кантемир уже выехал из Москвы.

Как же отнесся Кантемир к своему назначению?

⁴ Об отношении Остермана к А. Кантемиру свидетельствуют также письма княжны Марии Кантемир к брату. 13 июля 1733 года она писала: «Я была у Остермана и просила о прибавке вам содержания. Он, по обыкновению, обещал мне многое и сказал, что он истинный ваш друг и, по мере возможности, печется о вашем благе. Мне пришли тогда на ум брянские вотчины. Что же касается его доброты, то бог, видимо, внушил ему делать пользу другим, чтобы от них получать благодеяния» (И. Шимко. Новые данные о кн. Антиохе Кантемире. . . ЖМНП, 1891, № 6, стр. 266). 20 марта того же года она писала: «Вам нечего опасаться немцев, так как Миних в опале» (там же, стр. 260). Хотя из текста письма невозможно установить суть дела, но ясно, каково было отношение «немцев» к Кантемиру, если последнему приходилось опасаться их.

⁵ Сб. ИРИО, 66, 1889, стр. 388—390.

⁶ См. вводный очерк В. Н. Александренко в книге: Л. Н. Майков. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903, стр. V.